

ЧЕЛОВЕК С МОЛОТОЧКОМ

НЕТ, НЕ устарели и в наше время знаменитые чеховские слова о человеке с молоточком, который должен напоминать счастливым и благополучным о том, что есть несчастные, сырые и убогие. Годами, десятилетиями мы уверяли себя и других, что нет у нас ни увечных, ни обездоленных. И следствием этого самоуспокоения стало едва ли не катастрофическое положение детских учреждений, где должны учиться, воспитываться дети, потерявшие слух, зрение, — вообще с тем или иным отклонением от нормы.

Сегодня мы не скрываем своей тревоги о состоянии общеобразовательной школы. И все же родителям здоровых детей трудно даже вообразить, что приходится переживать тем, чьи дети не видят или не слышат. Нет, я сейчас даже не о том неизбежном и ни с каким другим не сравнимом горе, с которым, казалось бы, нельзя смириться. И все же жизнь продолжается, и человек живет, тянет свою ношу. Подчас в самом прямом, а отнюдь не переносном смысле слова. Но вот ребенку исполняется семь лет, и пережитое однажды обрушивается на семью с новой силой.

Минчанину Сереже М. (я обещала матери до поры до времени не называть фамилию — для этого есть причины) пятнадцать лет, но он ученик четвертого класса. История Сережиной болезни началась за два месяца до его рождения, когда девятнадцатилетней будущей матери сделали неудачную полостную операцию. Ребенок тем не менее родился. О том, что он слеп, родители узнали, когда их сыну минуло полгода. Нет нужды описывать метания по клиникам, медицинским светилам. Когда попали наконец к Федорову, оказалось, что время упущено — мальчик никогда не увидит света.

Было ему в ту пору шесть лет, а когда настала пора идти в школу, родители с ужасом обнаружили, что школы для таких, как Сережа, в Минске нет. Повезли в Шклов, где увидели здание без канализации, слепые дети пользуются дворовым туалетом, баня далеко. Но что делать — учиться-то надо. Учение обернулось для Сережи тяжелой простудой с последствиями в виде тугоухости. Может быть, поэтому в Гродно, куда перевели мальчика, медико-педагогическая комиссия направила его на обучение по вспомогательной программе. От родителей это обстоятельство скрыли. Лишь два года спустя мать, занимаясь с сыном во время его болезни, поняла, что он ничего не знает и не умеет.

В результате умный мальчик, прочитавший по Брайлю то, что его нормально видящим сверстникам и не снилось, мальчик, увлеченный историей, мечтающий заниматься ею профессионально, на четыре года старше своих одноклассников в московской школе-интернате, куда ценой немыслимых усилий и хлопот его определила мать. Надо ли говорить, что, если бы она была рядом с сыном постоянно, все бы в его жизни сложилось по-другому.

Вдумаемся, вникнем: в столице союзной республики нет школы для слепых детей! На чем же мы экономим? Да пусть бы не двадцать с лишним, а десяток, пятеро было на весь город таких, как Сережа, — школа необходима именно в крупном центре, где легче и педагогов найти, и медицинское обслуживание обеспечить, какое необходимо.

А как прикажете растить, воспитывать, обучать своего сына Г. И. Некрасовой, если в Курской области нет учреждений для детей, которые и не видят, и еще в отличие от Сережи отстают в умственном развитии? Отдать в дом для детей-инвалидов, забыть, вырвать из сердца? У Галины Ивановны так не получается. И вот тринадцатилетний парень сидит дома, в четырех стенах, ни ремеслу хоть какому-нибудь не обучен, ни даже чтению.

Ну, остановимся на минуту и вообразим, что чувствуют отцы и матери слабослышащих детей, вынужденных учиться в школах для неслышащих, где окончательно теряют остатки слуха и речи. Я призываю именно включить воображение — иначе не понять отчаяния родителей из Махачкалы, для чьих слабослышащих детей сначала открыли классы (и родители, не жалея ни времени, ни сил, ремонтировали сначала одно, потом другое старое, запущенное здание). И вот теперь, когда съехались в Махачкалу слабослышащие дети из всей республики (в два раза больше, чем нужно для открытия школы), над ней нависла угроза: здание собираются передать педклассам, а больных детей распределить по разным городам.

«Да, — пишут несчастные отцы и матери, — мы понимаем, что от нормальных людей государству больше пользы, чем от наших, но нам-то куда же идти, в какие двери стучаться со своей бедой?» В какие двери? Во все, какие есть. Говорю и об органах народного образования, и об исполкомах местных Советов. И еще об обществе в целом, а значит, о каждом из нас, здоровых и крепких его членов в отдельности. Потому что это и есть стук человека с молоточком. И если мы не хотим, чтобы милосердие, которому мы заново учимся, осталось красивым словом, надо привыкнуть откликаться на его призыв поступками.

И. ОВЧИННИКОВА.

«КЗВЕЗДА»
Т. МАСЛОВА
122 001 1988